

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю.П. Зарецкий

**«ВСЯКАЯ ИСТОРИЯ»
ИЛЬИ КОПИЕВСКОГО
И ЕЕ РОССИЙСКИЕ ЧИТАТЕЛИ**

Препринт WP19/2022/01

Серия WP19

Исторические исследования

Москва
2022

УДК 94
ББК 63.1(2)
334

Редактор серии WP19
«Исторические исследования»
А.Б. Каменский

Зарецкий, Ю. П.
334 «Всякая история» Ильи Копиевского и ее российские читатели [Текст] : препринт WP19/2022/01 / Ю. П. Зарецкий ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. — 44 с. — 40 экз.

В исследовании рассматривается содержание первого печатного обзора всемирной истории на русском языке и его бытование в России в первой половине XVIII столетия. Этот обзор, «Введение краткое во всякую историю», был издан в 1699 году в серии учебных пособий по разным областям знаний, составленных Ильей Федоровичем Копиевским (ок. 1651–1714) и изданных по указу Петра I в амстердамской типографии Яна Тессинга (1659–1701). Обстоятельства появления этих книг и содержание некоторых из них (в основном по языкознанию) уже давно привлекают интерес исследователей. Однако их роль в становлении научного знания в России еще предстоит осмыслить. В настоящей работе эта лакуна частично восполняется на примере учебника истории Копиевского. В ней представлены три взаимосвязанных сюжета: содержание «Введения», круг чтения по всемирной истории в России на рубеже XVII–XVIII вв., читательская аудитория книги. Результаты рассмотрения этих сюжетов позволяют по-новому взглянуть на место учебника Копиевского в складывании «научной» картины всемирной истории в России.

УДК 94
ББК 63.1(2)

Зарецкий Юрий Петрович, д-р. ист. наук, профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ);
zaretsky@hse.ru

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Зарецкий Ю.П., 2022

Эта работа состоит из трех частей. В первой вкратце говорится об условиях появления первого печатного учебника всемирной истории на русском языке и обстоятельно анализируется содержание книги. Какие сведения о прошлом человечества она содержит? На каких принципах построено изложение этих сведений? Какие сочинения европейских авторов мог использовать ее автор при составлении своего труда? Какие задачи ему приходилось решать в процессе перевода и адаптации этих сочинений к «горизонту ожидания» российских читателей¹?

Во второй части представляется репертуар чтения по всемирной истории в России накануне выхода этого учебника и реконструируется картина прошлого человечества, известная русским книжникам того времени. Специальное внимание здесь обращается на отличия содержания и построения известных им рукописных исторических сочинений от трудов по всемирной истории западноевропейских авторов XVI–XVII веков. Эти отличия позволяют заключить, что учебник всемирной истории Копиевского представлял русским читателям не только новую для них картину прошлого человечества, но и незнакомый им способ рассказа о нем. Во второй части также обозначается место этой книги в процессе становления российского историописания.

Третья часть содержит опыт реконструкции ее читательской аудитории. В ней обобщаются данные о ее поступлении в государственные и частные книжные собрания в начале XVIII века, а также сведения о количестве сохранившихся ее экземпляров сегодня. Главное место в этой части уделено подробному рассмотрению владельческих записей на трех экземплярах учебника, рассказывающих о конкретных обстоятельствах его бытования. В заключении суммируются сведения о его читателях и распространенности в России.

---

¹ Здесь и далее я использую понятие “Erwartungshorizont”, разработанное Х.Р. Яуссом для обозначения отношений а) читателя к сочинению еще до его прочтения (например, когда он держит в руках книгу, но пока ее не открыл) и б) автора к своему воображаемому читателю в ходе работы над сочинением. См.: Яусс Х.Р. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 97–106.

І. Книга

Во время пребывания в 1697–1698 годах в Голландии Петр I задумал печатать в Амстердаме учебные книги на русском языке для последующего распространения их в России. 17 мая 1698 года он выдал соответствующую привилегию голландскому купцу Яну Тессингу (1659–1701), и меньше чем через год после этого из новой амстердамской типографии стали один за другим выходить первые русские учебники. Поскольку по роду своих занятий Тессинг был далек от книгоиздательской деятельности и плохо владел русским языком, ему пришлось взять в помощники знающего человека. Этим человеком был сорокасемилетний выходец из земель Великого княжества Литовского священник реформатской церкви Илья Федорович Копиевский (ок. 1651–1714). Копиевскому и выпало стать главным действующим лицом в реализации петровского проекта². Он изготовил славянский шрифт, составил на русском языке не меньше десятка учебников и издал семь из них в типографии Тессинга. Первым в этой серии вышел краткий обзор всемирной истории, уместившийся в семидесятистраничную книжку³.

Объясняя, почему именно этот учебник он издает первым, Копиевский отсылал своих читателей к суждению Цицерона об истории как наставнице жизни. Известив их о том, что вскоре будут напечатаны и другие учебники («математическая, геометрическая, архитек-

---

² О Копиевском и его изданиях см.: *Лекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1–2. СПб.: Изд-во Товарищества «Общественная польза», 1862; *Быкова Т. А.* Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 – январь 1725 г. М.; Л.: Наука, 1958; *Nowak Z.* Eliaz Korpjowicz, polski autor, tłumacz, wydawca i drukarz świeckich książek dla Rosji w epoce wczesnego oświecenia // *Libri Gedanenses: rocznik Biblioteki Gdańskiej Polskiej Akademii Nauk.* Т. 2–3 (1968–1969). Gdańsk, 1970. S. 35–86; *Зарецкий Ю. П.* Первая русская зарубежная типография: голландские книги для подданных Петра I // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре.* 2020. № 5. С. 100–120; *Он же.* Проект Петра Первого по изданию светских учебников: осуществление замысла // *Quaestio Rossica.* 2021. Т. 9. № 4. С. 1411–1424; *Он же.* Илья Федорович Копиевский (Жизнь и судьба просветителя петровского времени) // *ВИВЛЮИКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies.* Vol. 9. 2021. P. 32–68.

³ *Копиевский И. Ф.* Введение краткое во всякую историю по чину историческому от создания мира ясно и совершенно списанное. Амстердам: Тип. Ивана Андреева Тессинга, 10 апреля 1699. Из-за запутанной и в некоторых местах ошибочной пагинации цитаты из этой книги приводятся дальше без указания страниц.

тонские и ратные земные и морские книги, и прочия всякия художные»), он пояснял, что именно история открывает путь к пониманию других наук («И тако избрахом помощию всемогущаго Господа Бога нашего, сицевую книгу, имущую имя введения, неточию бо ведет во всякую историю, но и во всякую выже именованную книгу, и по подобию ключа всякую отворит...»).

Содержание

Совершенно очевидно, что Копиевский не претендовал на звание историка и видел свою первоочередную задачу в том, чтобы в сжатом виде передать русским читателям основное содержание исторических трудов европейских ученых. Соответственно, и книгу он строил по принятому в таких трудах порядку: введение и основная часть из двух разделов. В первом давалось общее представление о предмете истории, основную часть второго, главного, составлял обзор исторических событий. Поскольку в Европе того времени история часто преподавалась вместе с географией, в этот второй раздел Копиевский включил также и географическое описание мира.

Заметно, что он стремился сделать содержание своего учебника максимально ясным и понятным читателям. Во всяком случае, в том, что касается систематизации разнообразного исторического материала: каждая из небольших главок разбита им на параграфы и/или включает пронумерованные перечни понятий, обозначений исторических периодов, имен правителей, названий государств, топонимов и т.д. Примером такой систематизации может служить классификация видов исторических сочинений в первой главе первого раздела книги. Этим видом Копиевский насчитывает шесть: «хроника» (ее прототипом он называет греческий жанр паралипомена), «временописание» (так им обозначается краткое собрание «деяний или дел»), «летописание или деяние» (по его определению, это «книги по церковнославянскому», в которых «всякого лета деяния пишутся»), «деннописание» (то есть подневные хроники, где «всякого дне деяния или дела содержатся»), «властописание» (вероятно, здесь имеются в виду хроники правления королей и императоров — «в нем же власти, по обычаю римлян, всякия деяния, или дела на всякое лето пишутся») и, наконец, «житияписание», то есть биография («жи-

тия поведение или бытия некоторых людей и деяния или дел их»). В последнем случае жанровая атрибуция не вызывает никаких затруднений: «Сицевыи же есть Плютарх, иже многих описа житие и дела».

Главное содержание второго, основного раздела, — это изложение событий всемирной истории. Он существенно превосходит первый по объему и включает три главы: «В первой сама синопсис историчная», «Вторая заключает летописие» и «Третья — описание всея вселенныя». «Синопсис» — это и есть краткое изложение событий «всея истории», выстроенное в соответствии со все еще распространенной в историографии XVII века периодизацией. Рассказ о прошлом человечества разделен здесь на две основных части: до Потопа и после. На две большие части разделена и история после Потопа: до и после рождения Христа.

Представление допотопной истории традиционно строится на ключевых эпизодах ветхозаветных рассказов: сотворение мира, грехопадение, «братоубийство каиново», «изобретение всякаго рукоделия» и т.д. После Потопа — по четырем монархиям (вавилонской, персидской, македонской и римской). О самих исторических событиях в учебнике рассказывается очень кратко и схематично: по каждой из монархий приводится список «царей» с указанием времени их правления — и только в заключении к каждому списку даются скудные пояснения.

В центре исторического повествования во «Введении» находится Римская монархия: сведения о ней занимают здесь целых десять страниц (седьмую часть книги). Список ее правителей традиционно начинается с Юлия Цезаря и заканчивается императором Священной Римской империи германской нации Фердинандом II, то есть первой половиной XVII века. В пояснениях к нему Копиевский сообщает читателям, что от Цезаря до Константина Великого империя была едина, но затем разделилась на две части, Восточную и Западную. Примечательно, что этот разрыв он объясняет «отвержением Запада», а не наоборот, то есть вопреки европейской историографической традиции. Из такого объяснения выходит, что прямой наследницей Древнего Рима стала Византия, а вовсе не Священная Римская империя, как было принято считать в Европе: «Восточнии или константинопольскии [императоры] царствоваху прежде отвержения

Запада от Константина Великого даже до Кароля Великого и Ницефора, по отвержении же Запада от Никефора, даже до Палеолога. Под ним же взят есть Константинополь или Царь Город»⁴.

В следующей главе, «О летописии» (этим полонизмом обозначено то, что мы сегодня назвали бы временным измерением истории), прервав обрушенный на читателей поток имен, дат и событий, Копиевский возвращается к истолкованию исторических понятий. Теперь он представляет им еще три: «хронология», «эпоха» и «синхронизм». «Синхронизм, — разъясняет он, — есть подобие или соглашение в делах народов или князей». И дальше у него следует отсылка к семантике этого слова в греческом языке: «Синхронизму у греков нарицается от сих иже воедино время совокуплени бывають и паки зовутся единоголетнии, единовременнии». Это не очень внятное толкование он подкрепляет историческими примерами, проясняющими более-менее эрудированному читателю его смысл: «Яко Сервии Туллий римский царь и Писистрат афиниенский мучитель во едино время быша, такожде и Питагор философ и царь Тарквиний Гордый в едино время и лето быша...».

Завершает книгу глава «Вселеннописие» — обзор географических знаний о водном пространстве и суше, необходимый для изучения всемирной истории. Сведения о суше представлены в ней по трем «древним» частям света (Европа, Африка и Азия) и двум «новым». К последним относятся «Острова северные» («Исландия», «Фрисландия», «Спесберга», «Гринландия, зелены остров», «Новая земля») и Америка («Северная и Полуденная»). Они в основном состоят из названий стран и гор и заканчиваются представлением европейских мер длины с их переводом на славянские. Вся же книга заканчивается метрологическими данными — изображением «круга земли» с указанием его диаметра и периметра в милях. Последнее предложение в ней — это традиционная благочестивая формула, заключающая сочинение христианского писателя: «Конец. Слава Господу Богу, давшему совершити».

---

⁴ Ницефор/Никефор — Византийский император Никифор I Геник (760–811), отказавшийся признать Карла императором; Палеолог — Константин XI Палеолог (1405–1453), последний император Византийской империи.

Всемирная история для славянороссийского народа

Читателей «Введения краткого» и других своих учебников Копиевский обычно называет «славянороссийским народом». Это словосочетание, восходящее к «Синописису» Иннокентия Гизеля, в конце XVII — начале XVIII века было широко распространено и в большинстве случаев имело в виду подданных Российского государства. Очевидно, что для такой читательской аудитории автору нельзя было ограничиться простым пересказом западноевропейских ученых книг — трансляция европейского исторического знания в Россию требовала также переформатирования их содержания. Теперь оно должно было стать не только понятным, но и принятым читателями государства, отдаленного от большинства стран Европы в географическом, культурном, религиозном и языковом отношениях.

И мы видим, что в разных местах «Введения» его автор стремится приблизить западноевропейскую картину мировой истории к «горизонту ожидания» своих читателей. Например, объясняя им суть различий в летоисчислении от Сотворения Мира до рождения Христа в Европе и России:

Егда от соединения престола и кесарства греческаго с римским изымется на всяк год по четыре месяцы, (имеяху бо римляне долгое время точию по осми месяцы лето) сочешши же греческия олимпиады и период или отворот и круг юлианов, толи ко тысящей лет соделает колико и российский счет, и паки придавши греческому по четыре месяцы на всякое лето от соединения с римляны до Рождества Христова, толико лет соделает, колико и европская история или летописие. От Рождества же Христова вся вселенная в летописию соглашается⁵.

Разъяснение различий в летоисчислении на Руси и странах Европы было, однако, далеко не единственной и далеко не главной задачей Копиевского. Гораздо важнее ему было убедить читателей в «правильности» своей книги. Об этой «правильности» с самого начала должно было свидетельствовать ее предисловие, озаглавленное по

---

⁵ Нельзя не заметить, что получилось это объяснение у Копиевского далеко не безукоризненным. Вычитав где-то, что названия восьми месяцев древнеримского календаря перешли в календарь современный, он ошибочно посчитал, что в году у римлян их было тоже восемь («имеяху бо римляне долгое время точию по осми месяцы лето»).

образцу предисловий богоугодных книг Московского печатного двора: «Читателю благочестивому и благоразумному в Господе радоваться, здравствовать и умудряться». Эта традиционная формула, хорошо знакомая русским книжникам, указывала на благочестивое содержание «Введения», а повторяющиеся дальше настойчивые отсылки к православной вере читателей служили этому дополнительным подтверждением: «Зде обрящеши, православнии читателю», «на милое православных читателей», «молимся, православнии читателю...», «веждь, православнии читателю...», «восприми же, православнии читателю».

Примечательно, что о своей принадлежности к реформатской церкви Копиевский здесь благоразумно умалчивает, заверяя лишь, что так же, как и его читатели, является христианином⁶. И не устает подчеркивать на разные лады собственную принадлежность к христианской вере: «И тако избрахом помощию всемогущаго Господа Бога нашего...», «помощию всемогущаго Господа Бога нашего», «Бог мира и Отец щедротам, да совершит всякаго благочестиваго читателя во всяком деле блазе творити...», «...благоугодно Господем нашим Иисус Христом».

Ясно, что рассказывая о прошлом человечества «славянороссийскому народу», Копиевский не мог ограничиться скудными сведениями о москвитях, сдержавшихся тогда в обзорах всемирной истории западноевропейских авторов. Из-за нехватки времени и недостаточного знакомства с предметом у него также не было возможности эти сведения разыскать в библиотеках и обобщить. В итоге явно ожидавшийся его читателями обстоятельный рассказ о «славянороссийском народе» заменяется им высокопарным превознесением его достоинств.

В предисловии он объявляет, что не стал бы писать свою книгу «варварскому какову народу». К славянороссийскому же обращается без всяких колебаний, поскольку тот не только не принадлежит к числу «варварских», но даже превосходит прославленные европей-

---

⁶ Для такой осторожности, у него, по-видимому, имелось достаточно оснований. По наблюдению Л.А. Черной, «даже к концу царствования Петра Великого неприятие иноверческой литературы и догматов оставалось в массе православных читателей». — *Черная Л.А.* Принципы перевода зарубежной литературы в петровское время // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетий. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 172.

ские. Первое его превосходство — это «благоразумие» («славянороссийский народ славно прославился паче всех народов своим благоразумием»). Под благоразумием Копиевский в данном случае имеет в виду особое достоинство, дарованное свыше, — язык, распространенный едва ли не по всему свету. «Прочия народы, — заявляет он, — и порубежнаго не разумеют языка. Славянороссийский же народ сие дарование Божие имеет, яко едва не всю Европу о своим языке преидет». И дальше приводит доказательство сказанному: «Не помяну зде полския земли, прус, чехов, моравов, венгров, волошан, словаков, кашубов, иллириан, даже до Азьи россеаном откровенный язык»⁷.

Другое превосходство славянороссийского народа имеет нравственную природу и состоит в его скромности и смирении — двух достоинствах, также дарованных Богом («по благодати Духа Святаго»). Оба эти достоинства Копиевский противопоставляет порокам других народов, прежде всего, высокомерию и заносчивости. Он приводит и подтверждение этого превосходства: «Славнии италиане, французы, но точию в своей земли, за рубежом — варвари тщеславнии. Славянороссийский же народ славный, не тщеславный, смиренномудренно держится, аще же паче всех тех язык родоязычия имеет»⁸.

Очевидно, что в представлении всемирной истории своим читателям Копиевский не мог ограничиться возвеличением их достоинств, не указав на особое место в ней Московского государства. Решая эту задачу, он в последней главе, «О еографии или описанию всея вселенныя», в обход европейской историографии напрямую сопрягает прошлое Руси с историей библейской. В разделе «Славнейшие реки восточные», название Москвы-реки, следуя распространенному в то время представлению, соотносится им с именем «праотца российского» Мосоха⁹. И следом, используя ветхозаветные образы, он упо-

---

⁷ Включая в этот ряд венгров и валахов, Копиевский, по-видимому, имеет в виду, что в их землях славяне составляли значительную часть населения.

⁸ Родоязычие здесь, скорее всего, следует понимать как полилингвизм («Елико же кто вас, православных читателей Иафефо-Российскаго народа, со благодарением сие дело от иных приемше, елико кто изообилует дарованем родоязычия...». — Триодь постная. М.: Печатный двор, 17 марта 1656. Л. 738).

⁹ Об этой традиции в историографии см.: *Доронин А. В.* О Мосохе, «праотце российском» // «Места памяти» руси конца XV — середины XVIII в. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 480—512.

добляет Российское государство новому Раю, а его правителя — величайшим из всех царей¹⁰.

В этом месте после упоминания Днепра, реки Москвы и Двины сухой стиль географического описания неожиданно превращается у него в панегирический: «Сие же три реки, Днепр, Москва и Дзвина, от единого изшедши (аки из Едема) места, разыдошася на три начала по образу райскому». Затем Копиевский призывает читателя обратиться на это подобие с Раем сугубое внимание: «Иже чет да разумеет, зде мудрость есть, иже имать ум». После чего приступает к ревностной проповеди богоизбранности населяющего этот новый рай народа:

Зде удивится! Приидите вси боящися Господа, приидите и видите дела Божия, яко Господь огради люди своя на Восток от Запада и от полуденное страны трема великими и славными реками в вечные роды, колико великих царств и память уста по зразорений (sic!) их. Над славянороссийским же народом искони сияет благодать Вседержителя Господа Бога нашего, аки над вторым Парадызом....

Вслед за этим вполне ожидаемо следует прославление его правителя: «Даде Господь Бог и пастыря единого всем, возлюбленного помазанника своего пресветлейшаго и великаго государя, его же величество вознесе даже до небесе с высококаго на высочайший степень, паче всех царей земных, вовеки. Утверждает, где Бог, завет мирен и завещание вечно будет». Так, заменив ветхозаветными образами и метафорами ученый рассказ, построенный на конкретных событиях прошлого, Копиевский указал читателям книги на центральное место Московской Руси в мировой истории.

Помимо такого принципиально важного переформатирования исторического метанарратива в угоду ожиданиям «славянороссийского народа», Копиевскому приходилось решать и менее масштабные, хотя и тоже непростые задачи. В частности, связанные с переводом иностранных научных терминов, географических названий и имен собственных. Поскольку в Амстердаме в его распоряжении не

---

¹⁰ О складывании образа русской истории в учебной литературе XVIII века см.: *Володина Т.А.* У истоков «национальной идеи» в русской историографии // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 3–19; *Кошелева О.Е.* Формирование учебных книг по предмету «История России (XVII–XVIII вв.)» // Педагогическая наука: генезис и прогнозы развития. Т. 1. М.: ФГНУ ИТИП РАО, 2014. С. 298–317.

было собрания славянских рукописных книг, в большинстве случаев ему приходилось перелagать их на русский язык самостоятельно.

В качестве примера таких переложений можно привести переводы географических названий и имен исторических персонажей. Что касается первых, то в большинстве случаев это просто русификация их латинских обозначений. Так, при перечислении «французской земли реки», Рону Копиевский называет «Родан»; протекающую через бельгийский городок Лир речку Нет — «Лиер»; Сена у него — «Секвана или Паризиа»; Мёз/Маас — «Моза»; левый приток Рейна Арс — «Арарис», а Шельда — «Скалдис». К русификации он иногда прибегает и при переводе имен исторических персонажей. Так Генрих I Птицелов назван им «Аукупом» — от *Aucers* в латинском оригинале (*avis+capio*). Очевидно, что только очень немногие русские читатели могли понять, какие именно реки и какого короля он этими словами обозначал. Но мог ли он сделать свои переводы лучше им понятными?¹¹

Безусловно, гораздо больше усилий пришлось приложить Копиевскому при переводе неизвестных русскому читателю научных терминов и понятий. Поскольку прямолинейная русификация латинских или греческих оригиналов здесь была еще менее уместна, ему зачастую приходилось самому изобретать их русские эквиваленты. Наиболее выразительным примером изобретения такого рода является словосочетание «всякая история», которое он вынес в название книги — «Введение краткое во *всякую историю...*» (на латыни он назвал ее “*Praecognita historiarum, seu introductio in omnem historiam...*”)¹². Как известно, в русском языке этот неологизм не прижился и со второй половины XVIII века у нас стал общеупотребимым другой, «всеобщая история» (*historia universalis*).

II. Старое и новое

Несмотря на старания Копиевского сделать представления европейских ученых о прошлом человечества не только понятными, но и благожелательно принятыми «славянорусскими читателями»,

---

¹¹ Здесь нельзя еще забывать, что в конце XVII века существовало не так много общепринятых русских эквивалентов иноязычных имен собственных.

¹² *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 523.

многих из них ее содержание должно было сильно озадачить. Прежде всего потому, что оно рисовало новую и неожиданную для них «западоцентричную» картину всемирной истории. Если не считать начала этой истории, известного на Руси по книгам Библии и сочинениям античных авторов, она была им чужда, поскольку сообщала почти исключительно о государствах, возникших на территории Западной Римской империи. Истории же Византии, традиционно составлявшей основу представлений русских людей о прошлом человечества, было отведено здесь всего две страницы. То есть вместо единственно знакомой массовому русскому читателю «восточноцентричной» картины Копиевский предлагал ему совершенно иную. Помимо этого, новым и неожиданным для русских книжников был также способ изложения исторических событий. Вместо привычного анонимного летописного свода, включавшего сочинения разных авторов и жанров, они встретились здесь с рассказом, содержание и построение которого определялись замыслом одного человека — автора¹³.

Чтобы лучше уяснить, в чем состояли эти новизна и неожиданность, рассмотрим дальше два вопроса: а) какие книги по всемирной истории были доступны в Московии ко времени выхода учебника Копиевского и б) что и как эти книги рассказывали о прошлом человечества? Первая, самая многочисленная их группа, включала «восточноцентричные» компиляции, составленные, как тогда говорили, «по обычаю летописцев». Такие компиляции на Руси были известны под общим названием хронографов. Во вторую, почти неизвестную массовому читателю, входили «западоцентричные» сочинения европейских историков. Их, в отличие от первых, именовали

---

¹³ В конце XVII века такого рода «ученые» исторические сочинения русским людям были практически неизвестны. Эдвард Кинан не без оснований утверждал, что до середины XVII века единственной историографической традицией, известной в Московии, была традиция летописная (с. 191), и что сочинений европейских историков здесь, скорее всего, вообще не знали (с. 194). «У меня нет свидетельств, — поясняет он дальше, — что какой-нибудь великорусский историк до 1600 г. читал Тацита, Фукидида, Геродота или Евсебия, или Барония...» (с. 199). К сказанному он дает важное разъяснение: московский историк начала XVII века «не понимал историю как разновидность науки или школьного знания» (с. 203). — *Кинан Э.Л. Проблема Московии: Некоторые наблюдения над проблемами сравнительного изучения стиля и жанра в исторических трудах // Архив русской истории. Вып. 3. М.: Археографический центр, 1993. С. 187–208.*

составленными «по чину историчному» или «по обычаю историографов»¹⁴.

«По обычаю летописцев»

Греческим словом «хронограф» в славянских языках обозначались получившие широкое распространение в Византии, Болгарии, Сербии и России рукописные своды, включавшие книги Ветхого Завета, труды античных писателей, византийские хроники, жития святых, тексты других жанров¹⁵. Содержание этих сводов отличалось в зависимости от времени и места их составления: одни входившие в них рассказы сокращались, другие, наоборот, дополнялись, третьи исчезали вовсе, заменяясь новыми. На Руси хронографы на протяжении столетий были едва ли не самым популярным жанром письменности и оставались таковыми по меньшей мере до первых десятилетий XVIII века, когда практика их составления прекратилась¹⁶.

Первым русским хронографическим сводом был Хронограф по великому изложению конца XI века¹⁷. Он состоял из рассказов о библейской истории, монархиях Древнего Востока, империи Александра Македонского и государствах, возникших после ее распада, Древнем Риме и Византийской империи — до первой половины X века. Помимо книг Библии, главными его источниками были сочинения византийских хронистов Георгия Амартола и Иоанна Малалы. В XIII—XIV веках на Руси появляются хронографы, включавшие другие тексты и доводившие историческое повествование до времени их составления. Еще позже, с начала XVI века, в хронографы начинают включать рассказы по русской истории, вследствие чего эти обнов-

---

¹⁴ Краткую характеристику сочинений обоих типов см.: *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 40–41.

¹⁵ О представлении всемирной истории в хронографах см. подробнее: *Зарецкий Ю.П.* Между Востоком и Западом: Изменения картины всемирной истории в России XVII в. // *Вызов времени: Становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV–XVII вв.: труды конференции.* Калуга: Изд-во Калужского университета, 2019. С. 72–81.

¹⁶ *Творогов О.В.* Русский хронограф и задачи его изучения // *Пути изучения древнерусской литературы и письменности.* Л.: Наука, 1970. С. 49.

¹⁷ Его содержание передается дальше по: *Творогов О.В.* Хронограф по великому изложению // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 1. Л.: Наука, 1987. С. 476–477.

ленные своды получили в историографии название «Русский Хронограф». Поскольку все сочинения такого рода представляли собой рукописные компиляции, переписчики были вольны добавлять в них одни истории, удалять другие, редактировать третьи, приписывать что-то от себя и т.д. То есть, как отмечал О.В. Творогов, Русский Хронограф «претерпевал в каждой новой редакции изменения, частично сокращаясь, но почти в той же степени расширяясь за счет введения новых сведений из новых источников»¹⁸.

Древнейшая редакция Русского Хронографа начала XVI века состояла из 208 глав и охватывала период от сотворения мира до падения Византийской империи¹⁹. В первых девятиста пяти, повествовавших о древнейшей истории, пересказывались книги Ветхого Завета и исторические предания о царях Лидии и Персии по «Летописцу Еллинскому и Римскому». Затем следовали рассказы об Александре Македонском и его наследниках, излагавшие содержания двух «Александрей»: «Хронографической» и «Сербской» (гл. 96–105). После этого шла история Троянской войны по «Хронике» Константина Манассии и южнославянской «Притче о кралех» (гл. 106). Рассказы о Древнем Риме (гл. 107–118) и Византии (гл. 119–208), как и в прежних редакциях, строились по «Летописцу Еллинскому и Римскому», однако с привлечением новых источников: «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и двух «Хроник» – Константина Манассии и Иоанна Зонары.

Как видим, история Византии занимала большую часть этой редакции. Она начиналась с императора Константина и заканчивалась захватом Константинополя турками в 1453 году. Начиная со 166-й главы в эту историю включались сведения о Южных и Восточных славянах (Руси). Последние излагались в основном по Сокращенному летописному своду 1495 года и Симеоновской летописи.

Очевидно, что большинство сочинений, лежавших в основе Хронографа этой редакции, были каноническими для восточнохристианской культурной традиции и представляли картину всемирной истории, созданную ее творцами. В центре этой «восточноцентричной» картины находились Византийская империя как единственная законная наследница Древнего Рима и православие как единствен-

---

¹⁸ Творогов О.В. Русский хронограф и задачи его изучения. С. 49.

¹⁹ Описание приводится по: Творогов О.В. Хронограф Русский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, 1989. С. 499–505.

ная истинно христианская вера. Русь же представлялась неотъемлемой частью этого мира, после падения Константинополя и захвата турками большинства православных народов занявшей в нем центральное положение.

Принципиально новые редакции Хронографа (вторая и третья) появились только в следующем столетии – они были значительно дополнены сведениями о всеобщей и русской истории, рассказ о которой доводился до начала XVII века. Во второй («основной») редакции 1617 года Хронограф содержал 169 глав и имел дополненное заглавие: «Книга, глаголемая Гранограф, рекше начало писменом царских родов, от многих летописец. Прежде от Бытия о сотворении мира, от книг Моисеевых, и от Исуса Навина, и от Судей иудейских, и от четырех Царств, та же и о асирийских царех, и о Македонии, и о римских царех, еллин же и благочестивых и от русских летописец и сербских, и болгарских»²⁰. Библейская история здесь была существенно сокращена, а русская и всемирная, наоборот, заметно расширены. Русская обогатилась рассказами о событиях Смутного времени и продолжилась до воцарения Михаила Федоровича. Всемирная значительно расширилась за счет фрагментов польской «Хроники Мартина Бельского», рассказывавших о Древней Греции, о возникновении Польского и Чешского государств, об открытии Америки и других исторических сюжетах²¹.

Понятно, что православный составитель Хронографа заимствовал эти фрагменты из сочинения католика Бельского не механически: он производил отбор сведений, редактировал их, а в некоторых случаях даже давал пояснения к своим изменениям. Так, один из списков Хронографа XVII века включает перечень имен Римских пап, однако доводится только до времени разделения церквей. В связи с этим сокращением православный книжник поясняет: «И тако совершенно удалишася православныя веры, и к тому уже о папах Римских писати нечего. Папа бо нарицается отец священнаго чина, смирению начало, всех благ ходатай, иже всех благ лишишася»²².

---

²⁰ Название списка приводится А.А. Зиминим: *Зимин А.А.* Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 342.

²¹ *Попов А.Н.* Обзор хронографов русской редакции. Вып. 2. М.: Тип. Лазаревск. ин-та, 1869.

²² *Там же.* С. 108. Что касается «третьей» редакции Хронографа 1620 г. и ее различных вариаций XVII в., то изменения и дополнения в них коснулись в основном

Включение в Хронограф западноевропейских исторических сюжетов обогатило его рассказами о малоизвестных или вовсе неизвестных русскому читателю странах, намекая тем самым на существование какой-то иной всемирной истории, отличавшейся от хорошо ему знакомой. Однако спорадическое появление этих новых сюжетов не изменило сути его содержания. «Замечательно, — писал об этом А. Н. Попов, — что Хронограф, составленный первоначально по источникам Византийским, Югославянским и Русским, удерживал на Руси более ста лет, считая с 1512 года, свой исключительно-православный характер; в нем не найдем ни одной статьи не православного происхождения, ни одной заметки из Западноевропейской истории. Священная история Ветхого и Нового Завета, классическая история, с обширными повестями о Троянской войне и об Александре Македонском, Византийская история и тесно связанные с нею — Болгарская, Сербская и Русская, — этим ограничивался исторический мир для первого собирателя Хронографа, и мы с полным основанием имеем право назвать Хронограф — древнеисторическим памятником православного Славянства. Только при второй редакции Хронографа, в 1617 году, в первый раз в состав его входят статьи из источников западных»²³. И дальше историк делал важный для нашей темы вывод: включение в XVII веке в Хронограф сочинений западноевропейских авторов не оказало принципиального влияния на его содержание. Эти новые дополнения были существенными, однако все же имелись «...не в таком количестве, чтобы изменить основной характер памятника»²⁴. То есть, несмотря на них, Хронограф по-прежнему представлял читателю малоупорядоченную восточноцентричную картину всемирной истории, основанную на византийской летописной традиции.

Ко времени появления «Введения краткого» Копиевского Хронограф, безусловно, являлся главным источником представлений о содержании и ходе всемирной истории для книжников Московской Руси. Правда, помимо Хронографа, некоторым из них были доступны и другие рукописи, включавшие иную картину прошлого челове-

---

русской истории в связи с идеей преемства Московского царства (Москва — Третий Рим).

²³ Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. С. 75—76.

²⁴ Там же. С. 76.

чества, однако эта картина была представлена в них лишь в отдельных малосвязанных между собой фрагментах²⁵.

«По чину историчному»

Что касается сочинений по всемирной истории, рисовавших «западоцентричную» картину и следовавших принятому у европейских ученых порядку изложения материала «по чину историчному», то подавляющее большинство читателей книги Копиевского с ними не были знакомы²⁶. То есть «Введение краткое» было для них необычным и по своему содержанию, и по форме изложения исторического материала: речь в нем шла почти исключительно о странах Западной Европы и рассказ о них строился в соответствии с определенным историографическим каноном. Причем о таком «ученом» способе представления прошлого человечества Копиевский заявлял уже на титульном листе своей книги: «Введение краткое во всякую историю по чину историчному...».

Очевидно, что основная его задача состояла в том, чтобы кратко представить «славянороссийскому народу» знания о всемирной истории европейских ученых, то есть составить краткий конспект их со-

---

²⁵ Сведения о всемирной истории русский читатель XVII века мог получить еще из рукописных переводов «космографий» Герарда Меркатора и Виллема Блау. Оба сочинения содержали ее ученую картину, однако эта картина была отрывочной и малоинформативной. См., например, в описании Европы Меркатора: «И отнюдь Европа ничим не скудна, и не могу престати Европы хвалити, понеже всяко чести и похвалы достоина. Всему убо свету сия часть мати. Европа начало и власть всей вселенней. Не в Европе ли родися великий славный царь Александр Македонский? Не в Европе ли породися римляне, иже всем светом владаху, а ныне тое же римския храбрости в Германии, си речь в Цесарской земли от Рима перенесена власть и держава, сила и крепость и одоление против всякого врага их и супостата? С ким ни воюют, ни от кого побеждены не бывають. В Европе вера, правда и суд истинен, храбрость, и мужество, и разум, и обычаи, и нравы, всякия разумительныя и скоросмышленные. В Европе цесарь и все цари и короли и великоможные монархи. Европские бо короли и цари христианские, во Азии и во Африке и во Америке и в нынешних временах многодержавствуют лучшими месты и вся сия суть Божиим благоволением. Имеет наша Европа кроме Римской державы двадцать осем царств и королевств великих. А люди в ней веры христианские». — РГАДА. Ф. 357. Д. 44. Л. 33. Фрагмент перевода любезно представлен для публикации О.Е. Кошелевой.

²⁶ В России такие труды были известны лишь в нескольких переводах польско-латинских сочинений, фрагменты которых включались в состав хронографов.

чинений. Трудно сказать точно, какие именно он в итоге использовал, однако вполне можно предположить, что одним из них была книга профессора Лейденского университета Георга Хорна «Краткое и ясное введение во всемирную историю»²⁷. В ней, как и в учебнике Копиевского, исторические события представлялись очень кратко, изложение их следовало традиционной периодизации по четырем монархиям и имелась отдельная глава об Америке. Представление мировой истории у Хорна также было выражено «западноцентричным»: страны и народы, удаленные от Священной Римской империи в географическом, религиозном и культурном отношении, занимали здесь периферийное положение. В полной мере это относилось и к Московии, истории которой он отвел меньше страницы.

Другим источником компиляции Копиевского вполне мог быть также один из самых популярных обзоров всемирной истории раннего Нового времени, составленный еще в середине XVI века профессором права Страсбургского университета Иоганном Слейданом — «О четырех великих империях»²⁸. История последней из этих империй, Римской, составляла его главное содержание и была доведена до Карла V. В многочисленных переизданиях этого обзора она продолжалась последователями Слейдана вплоть до начала XVIII века. Копиевский также вполне мог что-то почерпнуть и из впервые напечатанной в 1588 году и впоследствии тоже многократно переиздававшейся «Всеобщей гражданской и церковной истории» врача и ученого-естествоиспытателя Яна Йонстона²⁹. Как, впрочем, и из вышедшей почти сто лет спустя после нее «Церковной и гражданской истории» немецкого протестантского теолога Дэниэля Хартнака³⁰.

О том, что еще в середине 1670-х годов подобного рода труды западноевропейских ученых были незнакомы русским книжникам, свидетельствует любопытный текст неустановленного автора, изданный под названием «Предисловие к исторической книге, составлен-

---

²⁷ *Horn G.* Brevis et perspicua introductio ad universalem historiam // *Idem.* Historia ecclesiastica et politica. Lugduni Batavorum: Hackios, 1665. P. 375–442.

²⁸ *Sleidanus J.* De quatuor summis imperiis: libri tres. Argenoratum: Rihelli, 1556.

²⁹ *Jonston J.* Historia universalis civilis & ecclesiastica. Lugduni Batavorum: Georgius van der Marse, 1588.

³⁰ *Hartnaccus D.* Historia Universalis, Ecclesiastica & Civilis. Hamburgi: Liebezeit, 1686.

ной по повелению царя Федора Алексеевича»³¹. Текст этот является введением к новой истории Московского государства и его народа, составление которой «Божиею десницею» задумал старший брат Петра. Если судить по содержанию «Предисловия», то новизна этой истории как раз и должна была состоять в изложении событий в соответствии с европейской ученой традицией, то есть «по чину историчному».

Таких трудов, разъясняет автор, на Руси раньше не существовало вследствие отсутствия здесь традиции ученого историописания («народ российский... лишен был учения исторического»). Что же касается летописных сводов россиян, то они не складываются в последовательный упорядоченный рассказ («преж сего о своих предках и народов, хотя и розные повести и летописцы словенским языком написали, однакож несовершенным описанием и не по обычаю историческому»). К тому же сведения, которые сообщаются в этих сводах, полны противоречий («не согласуются меж собою все те летописцы»)³².

Дальше, после критики летописного способа историописания, автор «Предисловия» формулирует требования к тому, на основе которого должна строиться «ученая» история Российского государства. Этой новой истории, заявляет он, надлежит а) опираться на непротиворечивые мнения заслуживающих доверия писателей, б) критически их осмысливать, в) вести рассказ в соответствии с общепринятой периодизацией мировой истории и г) «согласовывать» сообщаемые сведения с преданиями и обычаями народов. При-

---

³¹ *Замысловский Е.Е.* Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1871. Ч. 1. Приложения. С. XXXV–XLII. Имя его автора точно не известно, однако есть основание полагать, что это был Николай Спафарий, один из образованнейших людей на русской службе. Об установлении авторства рукописи и обстоятельств ее появления см.: *Михайловский И.Н.* О некоторых анонимных произведениях русской литературы конца XVII и начала XVIII столетий. (Читано в Ист.-филол. о-ве при Ин-те кн. Безбородко в Нежине). Нежин: Типо-литография М.В. Глезера, 1900. С. 8–13. В новых работах: *Чистякова Е.В., Богданов А.П.* «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М.: Изд-во УДН, 1988. С. 3–7; *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 326–327; *Богданов А.П.* Летописец и историк конца XVII века: очерки исторической мысли «переходного времени». Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Директ-Медиа, 2019. С. 18–19, примеч. 30.

³² *Замысловский Е.Е.* Царствование Федора Алексеевича. С. XLI.

мечательно, что все эти требования представляются им как вполне очевидные:

Так же сверх того подобает историку, как о том розные историки пишут, чтобы он историю свою собрал из добрых и достоверных прежних историках, наипаче из тех, которые меж собою согласуются, и которые, наипаче от народа того, яко верны восприняты суть, при том чтобы история та не противилася бы против историю четырех монархиях, которая изстари подвержена и доверена от всех историков; также тем историкам, которые только слухом или своим мнением пишут, не верити вовсе, только где согласуются [с] всенародными повестями, и где, по обычаю того народа, изстари верою подтвердились, о которых они пишут³³.

Завершается этот своеобразный манифест новой русской историографии разъяснением его цели. Автор берет здесь на себя смелость (очевидно, не без оснований) заявить, что требования к «ученому» историописанию, которые он вкратце изложил, на Руси раньше не были известны:

Но об истории и историков как надобно быть, яко во образце, и для того, что прежде сего славянским языком никто о том не писал, zde вкратце описующе, совершаем, хотя мочно было и пространнее о том писати...³⁴

То есть за четверть века до появления учебника Копиевского российским читателям была неизвестна не только «западоцентричная» картина всемирной истории, но и исторические сочинения, написанные «по чину историчному».

«Введение краткое» и российское историописание

Замысел царя Федора Алексеевича по составлению новой российской истории снова актуализировался в период петровских реформ. И, как показывают новейшие исследования, на начальном этапе его реализации «Введение» Копиевского сыграло заметную роль.

---

³³ *Замысловский Е.Е.* Царствование Федора Алексеевича. С. XXXIX–XL.

³⁴ *Там же.* С. XL.

Первое документальное подтверждение этого относится к 24 мая 1703 г., когда дьяк Герасим Потапиев со слов стольника Ивана Мироновича Кологривова составил грамоту, излагавшую государев наказ собрать материалы для составления истории России. Как было в ней сказано, «взят к Москве на время» из книгохранилищ и ризниц российских монастырей и казенных учреждений «книги летописные степенные и дарственные старинные письменные на хартиях и на бумаге». Грамота содержала также распоряжение главе Монастырского приказа боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину «с товарищи»: составить соответствующую «отписку» и объявить в ней о высочайшей воле³⁵. О цели же сбора рукописей в грамоте говорилось, что они требуются «для исправления на печатном дворе *Нового Летописца*»³⁶.

В июне этого же года на Печатный двор, находившийся в ведении Монастырского приказа, стали поступать первые книги, работу с которыми возглавил Тихон Макарьевский — глава патриаршего казенного приказа и патриарший казначей. В приказных документах объяснение цели сбора этих книг содержало важное дополнение к сказанному в грамоте Кологривова: они были необходимы «для исправления нового *печатного* летописца»³⁷. Пометы на самих книгах, поступивших на Печатный двор, также подтверждают, что «новый летописец», с которым предстояло работать Тихону, был печатным³⁸. В частности, на трех из них, полученных из Троице-Сергиева монастыря, значилось: «...принята из Монастырского приказу июня в 20 день 1703 году для исправления *печатного* летописца»³⁹. О каком «новом печатном летописце» здесь идет речь?

---

³⁵ Об «отписке» как жанре делопроизводственном документе см.: Чащина Е.А. Отписки как один из видов деловой письменности Московской Руси // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 118–122.

³⁶ Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П.И. Щукина. Ч. 2. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1897. С. 252. (Курсив мой. — Ю. З.)

³⁷ Сиренов А.В. О культурной деятельности окружения патриарха Адриана // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Вып. 3 (Т. 13). С. 32. (Курсив мой. — Ю. З.) См. также: Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. С. 347, 357, 507.

³⁸ Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. С. 346.

³⁹ Там же. С. 345. (Курсив мой. — Ю. З.) См. также: Сиренов А.В. О работах по «исправлению» печатного летописца в 1703 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2009. Вып. 4. С. 8–9.

В 1703 году, помимо учебника Копиевского, на «славянороссийском» языке имелась только одна печатная книга по истории: «Синописис» Иннокентия Гизеля, впервые вышедший в Киеве в 1674 году и затем дважды там переиздававшийся. В Московии он был хорошо известен: пять экземпляров первого издания находилось в библиотеке Алексея Михайловича, издание 1678 года — в библиотеке Петра. Он также использовался в конце 1670-х годов московскими книжниками при составлении исторических компиляций⁴⁰. То есть назвать ее «новым печатным летописцем» авторы цитированных выше документов никак не могли. К тому же два указания на то, что «печатный летописец» это именно «Введение краткое», содержатся в одной из поздних редакций Степенной книги («Хронографическая редакция Латухинской Степенной книги»). В ее тексте обнаружены а) три ссылки на некий «Летописец Амстердамский» и б) хронологические таблицы, очень схожие с таблицами из учебника Копиевского⁴¹.

О дальнейшем ходе работы по исправлению «Нового Летописца» ничего не известно. Скорее всего, замысел Петра по составлению новой российской истории «по чину историчному», как и замысел его брата 1670-х годов, остался нереализованным. И этому вряд ли стоит удивляться: условия для появления «ученого» историописания сложились в России только столетие спустя.

Начало «ученой» истории

Рассказ о всемирной истории «по чину историчному», ее «западоцентричная» картина и типографский способ тиражирования текста сделали скромный учебник Копиевского знаковым событием в истории исторического знания в России. Он положил начало знакомству массового российского читателя с картиной прошлого человечества западноевропейских авторов и «научным» способом ее изложения. Впоследствии это знакомство продолжилось выходом в

---

⁴⁰ Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1898. С. 311–312; Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Л.: АН СССР, 1978. № 431; Сиренов А.В. О работах по «исправлению» печатного летописца в 1703 г. С. 9.

⁴¹ Сиренов А.В. О работах по «исправлению» печатного летописца в 1703 г. С. 11–12.

1718 и 1723 годах в Санкт-Петербурге «Введения в историю европейскую» Самуэля Пуфендорфа⁴². Затем изданием в Москве сокращенного перевода исторического сочинения кардинала Цезаря Барония, получившего русское название «Деяния церковные и гражданские»⁴³. А еще спустя несколько лет, изданным в Санкт-Петербурге обзором всемирной истории немецкого протестантского писателя Вильгельма Стратемана «Феатрон, или Позор исторический»⁴⁴. Все три книги, написанные «по чину историчному» и представлявшие русским людям западоцентричную картину прошлого человечества, были переведены и изданы общим тиражом по меньшей мере в пять тысяч экземпляров. Оценивая влияние этого потока новой литературы на представления русского читателя о всемирной истории, нельзя забывать, что в отличие от аморфных по содержанию рукописных хронографов, каждое из этих печатных изданий в точности воспроизводило одинаковый текст.

Еще через несколько десятилетий в результате деятельности профессоров и переводчиков сначала Петербургской академии наук, а затем и Московского университета, в истории исторического знания в России произошел новый поворот, в результате которого представления европейцев о всемирной истории приобрели статус научного. А к концу XVIII столетия эти представления стали для российских читателей уже не только привычными, но и естественными⁴⁵. Что же касается восточноцентричной картины всемирной истории, запечатленной в хронографах «по обычаю летописцев», то их интерес к ней окончательно пропал. В новой России этот старый жанр исторических компиляций оказался навсегда забытым — за ненадобностью.

---

⁴² *Пуфендорф С.* Введение, в историю европейскую. Чрез Самуила Пуфендорфия, на немецком языке сложенное. Печатано в Санктъпитербурхе, 5 декабря 1718. Второе издание: *Пуфендорф С.* Введение. В историю европейскую. Печатано в Санктъпитербургской типографии, июль 1723.

⁴³ *Бароний Ц.* Деяния церковная и гражданская от рожества Господа нашего Иисуса Христа. Москва: Печатный двор, 1719.

⁴⁴ *Стратеман В.* Феатрон, или Позор исторический / пер. с лат. Гавриил (Бужинский). Санкт-Петербург: Тип. Александро-Невского монастыря, август 1724.

⁴⁵ Как описал его Эдвард Кинан, «в следующих поколениях великорусские историки... приняли совсем другую культурную систему — по форме, жанру и теории — систему западную». — *Кинан Э.Л.* Проблема Московии. С. 207.

III. Читатели

Что нам известно о распространении и бытовании «Введения краткого» после его выхода из Амстердамской типографии Тессинга? Как оно оказалось в России и какими путями доходило до читателей? Много ли этих читателей было? К каким социальным слоям они принадлежали? Кто были эти люди? При каких обстоятельствах книга попадала в их руки? Наконец, можем ли мы судить о размере читательской аудитории и востребованности книги по количеству ее экземпляров, дошедших до нас? Третья часть работы состоит из поиска ответов на эти вопросы.

По сведениям историков

Из Амстердама «Введение», как и остальные книги Копиевского, доставлялось морским путем в Архангельск, а оттуда в Москву и другие российские города. Очевидно, какая-то небольшая часть этих книг по традиции сразу «безденежно» передавалась Петру, членам его семьи и высокопоставленным особам из ближайшего окружения царя. Во всяком случае, они попали в петровскую библиотеку, книжные собрания Д.М. Голицына и Я.В. Брюса, а также в «книгохранительную келью» архиерейской ризницы митрополита Иова в Колмовском монастыре⁴⁶. Еще несколько экземпляров амстердамских изданий поступило по меньшей мере в два государственных учреждения: Посольский приказ и Московский печатный двор⁴⁷. Что же касается основного тиража книги, то он, как это и предписывалось петровской привилегией, распространялся «повольною торговлей»⁴⁸.

---

⁴⁶ Библиотека Петра I. № 398, 524, 525, 526, 527, 546, 60; *Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И.* К истории Архангельской библиотеки Д.М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М.: Наука, 1979. № 230, 265, 310; Библиотека Я.В. Брюса. Каталог / сост. Е.А. Савельева. Л.: БАН, 1989. № 384; Описание архиерейской ризницы, находящейся в Софийском соборе, и имущества, оставшегося после смерти Иова, митрополита Великаго Новгорода и Великих Лук [1716] // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. Т. 1. СПб.: Синод. тип., 1868. Стлб. LXXXVI, LXXXIX, XCVII.

⁴⁷ В Посольский приказ издания Тессинга доставлялись по петровскому указу — см.: Полное собрание законов Российской империи [ПСЗРИ]. Т. 4: 1700–1712. СПб., 1830. С. 7. О Московском печатном дворе см. дальше.

⁴⁸ ПСЗРИ. С. 6–7.

Первым местом этой торговли была архангельская ярмарка — одна из крупнейших в России того времени. Русские купцы сотнями съезжались сюда со своими товарами по течению Двины и возвращались с заморскими обратно — в Москву, Ярославль, Кострому, Вологду, Каргополь, другие губернские и уездные города, слободы и села⁴⁹. Среди этих заморских товаров должны были находиться и амстердамские учебники, хотя, скорее всего, в небольшом количестве. Большая же их часть через уполномоченных Тессинга шла из Архангельска напрямую в Москву, где печатная продукция пользовалась наибольшим спросом и имелись специализированные места ее продаж: книжный ряд и «библиотеки»⁵⁰.

От торговле здесь амстердамскими книгами имеются три документальных свидетельства. Согласно первому, их привозил сюда голландец Елисей Клюк, часть отдавал на продажу русским купцам, а остальные распространял сам через нанятых торговцев («сидельцев»). Одним из этих торговцев был наборщик Печатного двора Дмитрий Коробов, сидевший в Самопальном (то есть оружейном) ряду⁵¹. Во втором документе упоминается имя еще одного книгопродавца, некоего Шумана⁵². Наконец, третье свидетельство, наиболее обстоятельное, принадлежит самому Копиевскому. В челобитной Петру 1710 года он жалуется на то, что книги, которые он «тискал в Амстердаме», продаются в Москве без его ведома и согласия, и что это приносит ему «обиду немалую и разорение». Обвиняет же в обмане он трех лиц: уже упоминавшегося Елисея Клюка, переводчика Посольского приказа Венедикта Шиллинга (Шилинхта) и некоего иноземца «Ивана Фоншвейдена»⁵³. Называя их имена, он просит царя обманщиков «сыскать и допросить и свой милостивый монарший указ

---

⁴⁹ *Козинцева Р.И.* Внешнеторговый оборот Архангельской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.; Л.: Наука, 1964. С. 135–136.

⁵⁰ В начале XVIII века библиотеками в России назывались не только места, где можно было взять книгу для чтения на время, но также и книжные магазины.

⁵¹ *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М.: РОССПЭН, 1996. С. 213.

⁵² *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandskunde im 18. Jahrhundert. Berlin: Akademie Verlag, 1953. S. 215.

⁵³ О Шиллинге/Шилинхте см.: *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М.: Индик, 2021. С. 270.

учинить»⁵⁴. Очевидно, что в числе книг, которые продавали эти люди, могло быть и «Введение краткое».

В общем, с большой долей вероятности можно заключить, что уже в первые месяцы после выхода из печати учебник истории Копиевского был доставлен в библиотеку Петра и в Посольский приказ. По-видимому, одновременно он оказался и в еще одном казенном учреждении — на Московском печатном дворе, имевшем собственную библиотеку⁵⁵. А позднее и в книжных собраниях лиц, близких ко двору: Д.М. Голицына и митрополита Иова. Как минимум по одному ее экземпляру было еще приобретено неустановленными лицами в Киеве и Ярославле⁵⁶.

Трудно сказать, дошло ли «Введение» до первых российских учебных заведений⁵⁷. Можно лишь предположить, что им пользовались в школе Феофана Прокоповича — единственной в России, где история была тогда включена в программу обучения⁵⁸. Впрочем, поскольку образование в России во времена Петра и еще долго после было преимущественно домашним, ученики школ и училищ вряд ли составляли сколько-нибудь существенную часть его читательской аудитории. Скорее всего, эта аудитория в основном состояла из людей, выучившихся грамоте в семье или доме священника.

Насколько широкой она была и кто в нее входил? Ответы на эти вопросы могла бы дать обстоятельная работа по выявлению дошед-

---

⁵⁴ Цит. по: *Быкова Т.А.* Описание изданий, напечатанных кириллицей. С. 236.

⁵⁵ В РГАДА сохранился ее экземпляр в кожаном переплете XVIII века с поздней бумажной наклейкой, свидетельствующей о его принадлежности Библиотеке Московской Синодальной типографии, с 1721 года официальной преемнице книжного собрания Московского печатного двора. Моя благодарность Андрею Алексеичу Булычеву за помощь в обнаружении этого экземпляра (Ф. БМСТ — URL: <http://guides.eastview.com/browse/guidebook.html?sid=336580&bid=151&enc=eng>).

⁵⁶ В описи библиотеки Д.М. Голицына оно значится под № 230 как «Введение краткое во историю, печатанная в Омстердаме 1699 году». — *Градова Б.А., Клосс Б.М., Корецкий В.И.* К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына. С. 246. В описи собрания митрополита Иова книга присутствует как «Учение краткое всякой истории, Амстердамской печати». — *Опись архиерейской ризницы.* Стлб. LXXXVI. См. также: *Быкова Т.А.* Описание изданий, напечатанных кириллицей. С. 340; *Гулина Т.И.* Золотые страницы. О коллекции книжных памятников XVII века Ярославского музея-заповедника // *Мера.* 2012. № 2(4). С. 228.

⁵⁷ Экземпляр книги, хранящийся в БАН, содержит фрагмент записи 1709 года на латинском языке, позволяющей предположить, что ее автором был школяр.

⁵⁸ *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. Санкт-Петербург: Тип. Импер. Акад. наук, 1868. С. 631.

ших до нас экземпляров книги и изучению содержащихся в них владельческих записей. Здесь же я могу представить лишь ее небольшой фрагмент.

По записям на книгах

1723 год

Начну с записи на последней странице «Введения» из Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея. В ней рассказывается о покупке этой книги одним из тверских посадских:

Сия книга куплена во Твери в таможене при бурмистрах Семене Янковском, Гарасиме Седом и ларешных Никите Тюлпине, Елизаре Блохине, Василье Кобелеве и при посторонних Петре Вагине, Иване Чюдинове у салдата. А сказал он, салдат, что такая книга подьячего де Ивана, Михайлова сына, Карнышева, а продает де он, Карнышев, от бедности, что де послан он из Санкт Питер Бурха в ссылку в Тобольск. А стоял он, Карнышев, за Волгою у Федора Дешевова. И не одну книгу смотрел Василей Кобелев, и он де, Карнышев, много шкарбы своей продавал. Февраля в 16 день 723-го году⁵⁹.

Попробуем выяснить, о чем и о ком здесь идет речь.

На тверской таможене

16 февраля 1723 года на тверскую таможеню явился солдат и в присутствии понятых («посторонних») предъявил таможенным людям («бурмистрам и ларешным») какие-то вещи («шкарб»), принесенные им на продажу. В подтверждение законного происхождения этих вещей он заверил присутствующих, что принадлежат они отправленному в ссылку в Тобольск бывшему Санкт-петербургскому подьячему Ивану Михайловичу Карнышеву, продающему их «от бедности». Для вящей убедительности этого заверения он добавил, что сам арестованный (скорее всего, закованный в кандалы) находится на постое на окраине Твери («за Волгою») в доме некоего Федора Дешевова. То есть книга Копиевского с записью об обстоятельствах ее

---

⁵⁹ Расшифровкой текста и уяснению его конкретно-исторического содержания я обязан Ирине Павловне Кулаковой, Борису Николаевичу Морозову и Ольге Евгеньевне Кошелевой, которым выражаю искреннюю благодарность.

приобретения находилась среди вещей подъячего, предъявленных солдатом на таможене.

Здесь нужно пояснить, что солдат предъявлял вещи таможенникам в соответствии с порядком, установленным правилами Новоторгового устава 1667 года. Согласно этому порядку, в том городе или селении, где находилась таможня, на любой товар следовало уплачивать торговую пошлину⁶⁰. То есть прежде чем начать продавать «шкарб» Карнышева, солдату было необходимо предъявить его «бурмистрам и ларешным» для определения размера пошлины, зависевшей от цены товара («с рубля»). Помимо этого, солдату нужно было еще убедить таможенников, что принесенные им на продажу вещи не краденые. Именно для этого он назвал имя подъячего и указал на точное место его пребывания. Сообщить подробности о владельце этих вещей ему было, по-видимому, важно и потому, что они мало походили на солдатские.

«Ларешный» Василий Кобелев

Дальше в записи говорится, что здесь же на таможене «Введение» было куплено одним из участников освидетельствования товаров — «ларешным» Василием Кобелевым. Он, по всей вероятности, и сделал эту запись в подтверждение законности приобретения книги. Размашистый почерк нового владельца в начале страницы в конце становится убористым — Кобелеву было важно засвидетельствовать обстоятельства покупки подробно, с указанием имен всех при ней присутствовавших.

Из этой записи также следует, что помимо «Введения» среди пожитков несчастного Карнышева были и другие книги, однако Кобелев выбрал именно эту. Почему? Первое, что приходит в голову, — тверской «ларешный» купил ее у солдата для перепродажи. Однако при внимательном рассмотрении обстоятельств покупки такое заключение выглядит довольно сомнительным. Во-первых, семидесятистраничный обзор всемирной истории явно не относился к числу дорогостоящих изданий и, следовательно, его перепродажа не сулила сколько-нибудь существенного дохода. Во-вторых, по своему содержанию и построению книга была очень необычной для русского читателя, знакомого, как было показано раньше, почти исключительно

---

⁶⁰ Соломеин А.Ю. История таможенного дела и таможенной политики России. СПб.: ИЦ Интермедия, 2011. С. 96–97.

с историями, составленными «по обычаю летописцев». Все это говорит о том, что поиск покупателя для нее в провинциальной Твери был делом непростым. Тем более, если помнить, что светская учебная литература в тогдашней России вообще не пользовалась особым читательским спросом⁶¹. Наконец, мы знаем, что Василий Кобелев происходил из семьи купцов-оптовиков, имевших собственные лавки и успешно торговавших в Москве и других российских городах. То есть он участвовал в коммерческих предприятиях, приносивших доход несравнимый по масштабам с ничтожной и сомнительной выручкой за перепродажу «Введения»⁶². Стал бы он браться за такое дело ради несколько копеек прибыли? Но если эту книгу он выбрал не для перепродажи, то для чего? Может быть, Василий просто интересовался историей? Другого объяснения сделанному им выбору я найти не могу.

Подьячий

О предыдущем владельце «Введения», подьячем Иване Михайловиче Карнышеве, известно гораздо больше, чем о тверском «ларешном»⁶³. В начале 1721 года он находился на острове Котлин, где занимался строительством города Кронштадт под началом Александра Даниловича Меншикова, на тот момент президента Государственной Военной коллегии и генерал-губернатора Санкт-Петербурга. Затем в феврале, сразу после его учреждения, он был определен (очевидно, без ведома Меншикова) в должность секретаря Святейшего Синода. Об этом назначении Синод известил Сенат, а Карнышеву

---

⁶¹ О ее продажах в обеих столицах в 1710-е годы см.: *Луппов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л.: Наука, 1970. С. 112–154.

⁶² О купцах Кобелевых в Твери см.: *Ефремова Е. Н.* Материалы переписной книги 1709 г. и 1-й ревизии как источник по формированию тверского купечества в начале XVIII в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М.: ИРИ РАН, 2009. С. 145, 152–153, 161; Писцовая и межевая книга Твери 1685–1686 годов / [сост. А. В. Матисон], М.: Старая Басманная, 2014. С. 65, 77, 134. На то, что Василий был человеком не бедным, помимо принадлежности к известному купеческому дому, указывает и его положение в тверской таможне. Он значился здесь не просто рядовым сборщиком податей («целовальником»), а «ларешным», то есть еще и казначеем, на которого была возложена обязанность надзирать ларем с деньгами. Традиционно ларечные целовальники избирались из наиболее состоятельных посадских людей («по окладу с первых рук»). — См.: *Пиляева В. В.* История таможенного дела и таможенной политики России. М.: ООО «БалтРус», 2007. С. 16.

⁶³ *Рункевич С. Г.* Учреждение и первоначальное устройство Св. Синода 1721–1725. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1900. С. 238–239.

направил уведомление, предписывающее явиться лично для официального представления.

Уведомление адресату было, однако, вручено с задержкой — по каким-то причинам посыльные долго не могли его разыскать. Наконец, он обнаружился в Петербурге, был представлен в Синоде и приступил к своим секретарским обязанностям. Однако его служба в новой должности очень скоро закончилась: Карнышев был арестован, доставлен на Котлин и приговорен военным судом к битью батогами. Этот приговор Меншиков ужесточил личным распоряжением, по которому недавний секретарь Синода переводился в писари и лишался жалования. Причиной же ареста и суда было письмо Меншикова, объявлявшее его беглым.

Однако все это оказалось только началом мытарств Карнышева. За пострадавшего, правда, вступился Синод, обратившись за разъяснениями инцидента в Сенат, однако долгое препирательство между обоими ведомствами закончилось безрезультатно и дело было вынесено на государев суд. Но тут на Карнышева обрушилось новое несчастье: во время ожидания высочайшего волеизъявления он был обвинен в хуле на государя — тягчайшем преступлении, каравшемся смертной казнью. Избежать ее ему удалось только по счастливому стечению обстоятельств: 22 ноября 1722 года по «всемилодивейшему манифесту» Петра в связи с заключением Ништадтского мира казнь была ему заменена ссылкой в Сибирь.

Так, почти через тринадцать месяцев после помилования, бывший подьячий в сопровождении конвойного солдата оказался на окраине Твери со своими пожитками. Почему он взял с собой в ссылку книгу по всемирной истории? Вряд ли потому, что эта она представляла особую материальную ценность — у бывшего петербургского чиновника даже после ареста должны были оставаться вещи и по дорожке. Скорее всего, «Введение краткое» было ему нужно, чтобы коротать время в сибирской глуши. Чему, как мы теперь знаем, не суждено было случиться.

1740-е

О еще одной встрече «Введения» с российским читателем (теперь — читательницей) рассказывает запись на его экземпляре, хранящемся в Отделе редких книг Российской национальной библиотеки. Как и в предыдущем случае, она сделана на последнем чистом листе кни-

ги скорописью первой половины XVIII века. Однако текст ее более лаконичен и незамысловат: это список книг, «отданных» (выданных для прочтения?) их неизвестным владельцем двум лицам. Вот ее текст:

Книга Царский путь Креста Господня отдана Авдотье Ивановне Измайловой. Книга Краткое введение во всякую историю по чину историческому ей же отдана. Печатная книга Политика ей же отдана. Книга Феотрон или позорище — ей же. Книга скарки (?) Аврелия отдана барону Исаю Шафирову⁶⁴.

О том, кем был этот владелец можно только гадать. Почти точно — не книгопродавцем. Учет продаж коммерческой «библиотеки» велся бы в отдельной тетради и с обязательным указанием отпускной цены каждого экземпляра. Скорее всего, это был человек, имевший небольшое книжное собрание, которым пользовались люди из круга его близкого общения (не исключено, конечно, что за плату). Примечательно, что человек этот сделал запись об «отдаче» «Введения» в другом экземпляре той же самой книги. Следовательно, у него этих экземпляров было как минимум два.

Прежде чем обратиться к учебнику Копиевского, который значится в списке как «Краткое введение во всякую историю по чину историческому», попробуем определить другие названные в нем издания. Первое устанавливается достаточно легко — это «Царский путь Креста Господня, воводящий в живот вечный». Книга с таким названием была издана в Чернигове в конце 1709 года будущим митрополитом Тобольским и всея Сибири Иоанном (Иваном Максимовичем)⁶⁵. Содержание ее составляет переложение на русский язык труда монаха-бенедиктинца Бенедикта ван Хафтена “*Regia via scisus*”, рассказывающего о том, как ангел указывает путь заблудившейся в лесу девушке.

Третьей книгой, после «Введения», скорее всего, значится «Истинная политика знатных и благородных особ» не установленного автора. Это сочинение, также нравоучительное по содержанию, было

---

⁶⁴ Выражаю искреннюю благодарность Ольге Евгеньевне Кошелевой за помощь в прочтении этого текста.

⁶⁵ *Максимович И.* Царский путь Креста Господня, воводящий в живот вечный. [Чернигов:] В Типографии Свято Троецкой Ильинской, 1709, 1 декабря (Описание дано по: Панегирическая литература петровского времени. М.: АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького, 1979. С. 59). Об авторе книги и ее содержании см.: Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2011. С. 219–230.

дважды издано в Санкт-Петербурге в переводе с французского В.К. ТрEDIAKовского⁶⁶.

Четвертую книгу, названную в списке «Феотрон или позорище», установить сложнее, поскольку в первой четверти XVIII века было напечатано по меньшей мере два сочинения со схожими названиями⁶⁷. Первое из них, «Феатрон или Позор нравоучительный», так же как и «Царский путь Креста Господня», было издано Иваном Максимовичем в Чернигове. Оно включало советы и наставления, адресованные государям («царем, князем, владыкам») с примерами из народных преданий, библейских историй и произведений античных писателей⁶⁸. Второе сочинение — это вышедший в Санкт-Петербурге в 1724 году под названием «Феатрон, или Позор исторический» перевод обзора всемирной истории немецкого протестантского писателя Вильгельма Стратеманна “*Theatrum historicum*”⁶⁹. Поскольку в соответствии с давней традицией исторические события рассматриваются в этом обзоре как назидательные примеры, очень похоже, что труд Стратеманна также считался тогда душеполезным⁷⁰. Какая из этих двух книг названа в списке? Принимая во внимание, что исторический «Феатрон» был издан не в провинциальном Чернигове, а

---

⁶⁶ Истинная политика знатных и благородных особ / Переведена с французского чрез Василья ТрEDIAKовскаго Санктпетербургския имп. Академии наук секретаря. Санктпетербург: Печ. при Имп. Акад. наук, 1737; Истинная политика знатных и благородных особ / Переведена с французского языка [В.К. ТрEDIAKовским]. 2-е изд., вновь высмотренное и умноженное. Санктпетербург: Печ. при Имп. Акад. наук, 1745.

⁶⁷ «Феатрон» — место зрителей в античном театре, по-гречески *θεάτρον*, на церковнославянском — «позорище», то есть театр или зрелище.

⁶⁸ Максимович И. Феатрон, или Позор нравоучительный. [Чернигов:] В Типографии Свято Троецкой Ильинской. 1708, 30 октября. Как и «Царский путь Креста Господня», это было переложение на церковнославянский язык труда католического автора (*Ambrogio Marliani*. *Theatrum politicum, in quo quid agendum sit a principe et quid cavendum, accurate praescribitur*).

⁶⁹ Стратеман В. Феатрон, или Позор исторический / пер. с лат. Гавриил (Бужинский). Санкт-Петербург: Тип. Александрo-Невского монастыря, август 1724.

⁷⁰ Именно так и истолковывает смысл книги ее переводчик Гавриил Бужинский: «Книга же сия, понижє сичевыми примерами преисполнена єсть правильно и истинно Позор наречєна, се бо єсть феатров и позоров намерєние, да видяшии подвизаються ко благому, отвращаються же от злодеяний...». — Цит. по: Соколов В. Ю. «Феатрон, или Позор исторический» В. Стратемана — книжкова пам’ятка кириличного друку: историко-книгознавчий анализ // Вісник ОНУ. Сер.: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2015. Т. 20. Вип. 1. С. 100.

в российской столице, причем немалым по тем временам тиражом в 1200 экземпляров, можно предположить, что это был именно он. Однако в пользу черниговского «Феатрона» говорит и содержание книги, сближающее ее с «Царским путем Креста Господня», а также имя Ивана Максимовича.

Последнее пятое издание – это, судя по всему, перевод немецкой биографии Марка Аврелия с приложением философских размышлений императора «К самому себе», вышедший в Санкт-Петербурге в 1740 году двумя стереотипными изданиями⁷¹.

Авдотья Ивановна Измайлова

Теперь нужно выяснить, кто были упомянутые в этом списке люди и когда они получили книги. В первую очередь нас, конечно, будет интересовать выбравшая «Введение» Авдотья Измайлова. Но и второй читатель тоже может быть небезынтересен – по меньшей мере для уяснения контекста, в котором этот выбор состоялся.

Личность Авдотьи Измайловой с большой степенью вероятности устанавливается по родословным. В качестве наиболее вероятной фигуры они указывают на супругу помещика Рязанского уезда Маркела Павловича Измайлова Авдотью Ивановну (по документам Иевлевну)⁷². О ее муже здесь сказано, что после смерти в 1726 году его отца Павла Кирилловича Маркел вместе с матерью вступил в 1730 году во владение помещьем в селе Селезнево. О самой же Авдотье Ивановне/Иевлевне говорится только то, что с 1748 года, уже после смерти мужа, за ней числилось другое поместье Измайловых в сельце Глубокое того же Рязанского уезда.

Здесь, конечно, самое время спросить, как учебник Копиевского мог попасть к этой провинциальной дворянке. Никаких данных, способных дать определенный ответ на этот вопрос, у меня нет. Можно лишь предположить, что он был «отдан» Авдотье Ивановне в Москве, где в XVIII веке коротали зимы многие дворянские семьи из близлежащих поместий. Это предположение подкрепляется и сведениями о втором читателе «библиотеки».

---

⁷¹ *Аврелий Антонин, Марк*. Житие и дела Марка Аврелия Антонина цесаря римскаго. [Санктпетербург: При Имп. Акад. наук], 1740.

⁷² *Рындин И.Ж.* Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Т. 10. Вып. 3: Давыдовские – Исленьевы. Рязань: Изд-во Рязанского обл. ин-та развития образования, 2008. С. 308–309.

Исай Петрович Шафиров

Не вызывает ни малейших сомнений, что вторым читателем, указанным в списке, был сын вице-канцлера Петра Павловича Шафирова Исай (1699—1756)⁷³. Поскольку некоторые эпизоды его биографии позволяют уточнить наши предположения относительно личности Авдотьи Ивановны и прояснить обстоятельства получения ею «Введения краткого», расскажу о них вкратце.

Получив по настоянию отца блестящее образование в Париже, Исай, вскоре после возвращения в Россию, женился на Евдокии Андреевне Измайловой, дочери умершего в 1714 году ближнего стольника Петра, дипломата Андрея Петровича Измайлова из рязанской ветви рода⁷⁴. Свадьба Исаея и Евдокии была пышно отпразднована с участием царской четы в роскошном доме отца жениха на набережной Невы 6 февраля 1721 года⁷⁵.

Ожидавшейся всеми блестящей карьере молодого Шафирова, однако, не суждено было состояться. С самого начала ее успеху мешали увлечение Исаея азартными играми, его пристрастие к спиртным напиткам и буйный нрав. Позднее эти его пороки стали настолько общественно-нетерпимы, что императрица Елизавета Петровна в 1745 году издала специальный указ, по которому ради спасения его жены и их восьмерых детей от нищеты российским подданным категорически запрещалось играть с ним на деньги⁷⁶. В 1747 году в указе Сенату она повторила этот запрет с еще большей строгостью и, указав на новые примеры безрассудств Исаея, повелела заключить его в Московский Донской монастырь для исправления⁷⁷. Выпущенный в 1749 году под домашний арест, он, однако, вернулся к прежнему образу жизни, а после смерти в 1750 году жены распродал и проиграл в карты все оставшееся имущество, оставив их детей без средств к существованию. Из-за продолжающихся буйств вдовца, похожих на сумасшествие, Московский генерал-губернатор просил императрицу снова отправить его в монастырь, однако эта просьба по каким-то

---

⁷³ *Сухарева О.В.* Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М.: АСТ, 2005. С. 513.

⁷⁴ *Рындин И.Ж.* Материалы по истории и генеалогии дворянских родов. С. 304—305.

⁷⁵ *Бычков Ф.А.* Барон Исай Петрович Шафиров // Исторический вестник. 1886. Т. 25. С. 127.

⁷⁶ *Там же.* С. 129—130.

⁷⁷ *Там же.* С. 130.

причинам ею удовлетворена не была. Скончался сын петровского вице-канцлера в Москве в полной безвестности в возрасте 57 лет⁷⁸.

О его жене, Евдокии Андреевне, известно, что в невзгодах супружеской жизни ее поддерживали родственники, одним из которых был двоюродный брат, сержант Петр Васильевича Измайлов. Спасая от безрассудств отца Марфу и Анну, двух старших дочерей Шафировых, он принял их в свой дом⁷⁹.

Авдотья Ивановна, Исая Петрович и дата записи

Теперь остается выяснить, как Авдотья Ивановна оказалась в одном списке с Исаем Петровичем и когда этот список был составлен.

Очень похоже, что ответ на первый вопрос может дать основательное изучение генеалогического древа рязанских Измайловых. Не находилась ли Авдотья Ивановна / Иевлевна в родстве по мужу с женой Исаия Петровича? Если это так, то обе семьи вполне могли входить в круг знакомых владельца «библиотеки», жившего, как и Исая Петрович, в Москве. Ответить на второй гораздо проще путем нехитрых арифметических вычислений. Поскольку биография Марка Аврелия вышла в 1740 году, Исаия Петровича отправили в монастырь в 1747-м (после чего он, как следует из приведенных свидетельств, окончательно лишился рассудка), то список, скорее всего, был составлен в промежуток между этими двумя датами.

На русском Севере

13 февраля 2020 года на аукционе «Литфонд» в Москве за два миллиона двести тысяч рублей был продан экземпляр «Введения краткого», содержащий несколько сделанных в разное время владельческих записей⁸⁰. Приведу их дальше, объединив в три группы и расположив в хронологической последовательности⁸¹.

(1) Первая запись вкладная, с первого до предпоследнего листа книги:

---

⁷⁸ *Ястребцев Е.* Шафиров Исая Петрович // Русский биографический словарь А.А. Половцова. Т. 22. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. С. 552–553.

⁷⁹ *Бычков Ф.А.* Барон Исая Петрович Шафиров. С. 131.

⁸⁰ URL: <https://www.litfund.ru/auction/204/3/>

⁸¹ Все цитируются дальше по сайту аукциона с незначительными исправлениями и дополнениями.

Сия Книга Глаголемая введение пустоозерного воеводного правления канцелярии копеиста Михаила Михайлова сына Крылова, а подписал ея копеист Михаило Михайлов сын Крылов своею недоуменною рукою тысяча семь сот три десять седмаго года октября двадцать девятого дня⁸².

Вторая, скорее всего, сделанная одновременно с ней и той же рукой, находится на обороте последней страницы:

В Пустоозерном Остроге.

(2) Три следующие, тоже одной руки, встречаем соответственно на форзацах 1б, 2б и титульном листе:

Из книг студента Александра Павлова марта 13 дня 1811 года.

Принадлежит ученику семинарии А. Павлову.

Архим. Павла / Древняя книга.

(3) Последние две записи, как и предыдущие одной руки, располагаются на форзаце 1б и 2б:

Покшенского священника Николая Кудрявина собственная – куплена у вдовствующей мачки покойнаго священника Александра Павлова Марьи Диомидовой Павловой с прочими книгами – подписал своеручно священник Н. Кудрявин 2 мая 1854 года.

Читал сию книгу мудро написанную 26 октября 1855 го года Покшенского Прихода Священник Николай Кудрявин.

Какие новые штрихи добавляют эти автографы к уже очерченной картине бытования «Введения краткого» в России?

(1) Из первых двух следует, что 29 октября 1737 года книга находилась в городе Пустозерск Архангельской губернии во владении копииста Михаила Михайловича Крылова. Скорее всего, за тридцать с лишним лет до этого она была куплена кем-то на Архангельской ярмарке, где в то время велась торговля изданиями Тессинга, привезенными голландскими купцами.

О ее обладателе, служащем канцелярии местного воеводства Михаиле Крылове, никаких сведений мне разыскать не удалось. Можно лишь предположить, что это был человек застенчивый и скромный. Как известно, должность копииста в российской чиновничьей ие-

---

⁸² О вкладных записях см. URL: <https://library.petrsu.ru/collections/red/9.htm>

рархии считалась самой ничтожной и занимающий ее человек, обычно владевший лишь первоначальными основами грамоты, нередко был предметом насмешек. Указания на это часто встречаются в русской художественной литературе, например, в комедии А.Н. Островского «Без вины виноватые». Здесь актер провинциального театра Незнамов, отвечая на колкости товарища, представляет своего обидчика жалким копиистом сиротского суда, уволенным за нерадивость⁸³. Не менее выразительна и характеристика копииста Василия Андреевича Светлова в романе И.В. Омулевского «Шаг за шагом». В нем он представляется читателям как ничтожный провинциальный служащий, образование которого ограничивалось домашним обучением грамоте по Псалтырю. Такое образование, традиционное для допетровской России, в основном сводилось к обучению чтению и только иногда — письму⁸⁴. Очень похоже, что именно из-за этой своей малообразованности, умноженной ничтожностью занимаемого им служебного положения, копиист Пустозерского воеводства Михаил Крылов и признался в собственном скудоумии («недоуменную рукою»).

(2) Три следующие записи свидетельствуют, что 13 марта 1811 года у книги появился новый владелец и что она оставалась в его собственности долгое время. Семьдесят с лишним лет, прошедших после пустозерской записи, говорят о том, что она попала к этому новому владельцу не от Михаила Крылова, а прошла еще по крайней мере через чьи-то одни руки. Теперь ее собственником стал студент Архангельской духовной семинарии Александр Павлов («Из книг

---

⁸³ «Вот видите! И он глумится надо мной! И он вправе; я ничто, я меньше всякой величины; а он что-нибудь, он какая-то единица, у него есть звание, есть вид (то есть «документ». — Ю. З.). На этом виде значится: «Сын отставного канцеляриста; исключен из уездного училища за дурное поведение; продолжал службу в сиротском суде копиистом и уволен за нерадение; под судом был по прикосновенности по делу о пропаже камлотовой шинели и оставлен в подозрении». Ну, разве не восторг иметь такой документ!» — *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 8. Санкт-Петербург: Изд. кн. маг. Н.Г. Мартынова, 1885. С. 176.

⁸⁴ «Василий Андрееч был сын какого-то заштатного писца в захолустье и потому службу свою начал скромно, с должности копииста, — в то время еще водились такие должности. Само собою разумеется, что, открывая так незавидно свою карьеру, он не получил перед тем даже и подобия какого-нибудь образования. Грамоте выучился Светлов самоучкой, по отцовскому псалтырю, не умея до тринадцатилетнего возраста написать ни одной буквы иначе, как по печатному, хотя на пятнадцатом году поступил уже на службу». — *Омулевский И.В.* Шаг за шагом. М.: Гослитиздат, 1957. С. 29.

студента Александра Павлова», «Принадлежит ученику семинарии А. Павлову»). Таким образом, больше, чем через сто лет после выхода из печати, «Введение краткое» оказалось в столице губернии во владении молодого человека, избравшего карьеру священнослужителя.

Об этом человеке известно, что он принял монашеский постриг с именем Павел, был рукоположен в сан архимандрита и в 1817 году возведен в должность настоятеля Свято-Троицкого Антониево-Сийского монастыря в Холмогорском уезде. Одновременно с этой должностью по сложившейся в Архангельской епархии традиции архимандрит Павел исполнял обязанности ректора духовной семинарии⁸⁵. Еще известно, что он участвовал в деятельности Архангельского отделения Российского библейского общества и что в июле 1819 года возглавляемый им монастырь посетил император Александр I⁸⁶. Вполне можно заключить, что после рукоположения в сан архимандрита Павел и посчитал необходимым обновить владельческую надпись на книге. Теперь он поместил ее на титульном листе, указав, что владельцем ее является уже не семинарист, а один из высших монашеских чинов («Архим. Павла»). Здесь же на титульном листе он отметил, что книга старинная («Древняя книга»).

(3) Еще через сорок с лишним лет учебник Копиевского перешел к новому владельцу, священнику Покшен[ь]ского прихода Николаю Дмитриевичу Кудрявину. В сделанной им 2 мая 1854 года записи говорится, что он получил ее из книжного собрания архимандрита Павла, которое распродавалось овдовевшей попадьей Марьей Диомидовной. Из следующей записи 26 октября 1855 года мы узнаем, что книгу он прочитал и обратил внимание на ее ученые достоинства («мудро написанную»). То есть получается, что он совсем не считал устаревшим содержание книги, написанной сто пятьдесят с лишним лет назад... Потому что раньше не читал книг по всемирной истории? Допустить такое вполне возможно, хотя отец Николай вряд ли отно-

---

⁸⁵ *Архимандрит Трифон (Плотников)*. Слава Богу за все. Архангельск: СК Россия, 2007. С. 40.

⁸⁶ *Иерей Дмитрий (Костюченко)*. Архангельское отделение Российского Библейского общества // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 9. Архангельск: Помор. университет, 2016. С. 443; *Сметанин В.* Путешествие императора Александра Благословенного через Каргополье в Архангельск и обратно // Архангельская старина. 2009/2010. № 3/1. С. 92–99.

сился к числу дремучих приходских священников. Во всяком случае, в круг его общения входили люди весьма знающие и начитанные. Одним из этих людей был, например, выпускник Архангельской духовной семинарии, а затем и Санкт-Петербургской духовной академии, священник Андреевского собора в Кронштадте Иоанн Ильич Сергиев (Иоанн Кронштадтский)⁸⁷.

Не/популярность и не/востребованность?

На сегодняшний день в российских книжных собраниях мне удалось обнаружить 11 экземпляров «Введения краткого»⁸⁸. Поскольку после фундаментального исследования Т.А. Быковой 1959 года обстоятельная работа по выявлению амстердамских изданий Копиевского-Тессинга библиографами не велась, не вызывает сомнений, что в будущем какое-то их количество обнаружится еще⁸⁹. Известно также, что несколько экземпляров книги находится сегодня в зарубежных библиотеках и очень похоже, что какие-то из них попали туда из России⁹⁰.

Что могут сказать эти цифры о размере читательской аудитории «Введения»? На первый взгляд, они незначительны. Однако, делая такое заключение, нельзя забывать о некоторых особенностях этой книги. Прежде всего о том, что она была учебным пособием, а учебная литература, как хорошо известно, приходит в физическую негодность особенно быстро. К тому же вышедшая в далеком «Амстероде» и не отличавшаяся полиграфическими достоинствами тоненькая книжечка светского содержания вряд ли помещалась ее владельцами в дорогие переплеты и хранилась ими так же бережно, как, например, богослужебные книги, изданные на Московском печатном дворе.

---

⁸⁷ См. его письмо священнику Александру Зуеву от 12 мая 1861 г.: *Иоанн Кронштадтский*. Творения. Письма разных лет. 1859–1908: в 2 т. / сост. Т.И. Орнатская, Ю.В. Балакшина. Т. 1. 1859–1901. М.: Отчий дом, 2011. С. 21–22.

⁸⁸ В России: РГБ – 1 экз.; РНБ – 3 экз.; БАН – 2 экз.; ГИМ – 2 экз.; РГАДА – 1 экз. Ярославский музей-заповедник – 1 экз.; частная коллекция – 1 экз.

⁸⁹ См. недавний опыт исследования в этом направлении: *Мельничек А.А.* Книжное наследие Ильи Федоровича Копиевича: библиографический список сохранившихся изданий // *Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры: зборнік навуковых артыкулаў*. Вып. 5. Мінск: Медыял, 2014. С. 155–161.

⁹⁰ В зарубежных собраниях: 6 в Нидерландах, 1 в Германии, 1 в Канаде, 1 в Великобритании (URL: <https://www.worldcat.org>).

В поисках ответа на поставленный вопрос можно было бы сравнить количество дошедших до нас экземпляров «Введения краткого» и других учебных изданий начала XVIII в. Скажем, «Букваря» Поликарпова-Орлова (тираж 3000 экз., 1701 г.) или «Арифметики» Магницкого (тираж 2400 экз., 1703 г.). Хотя результаты такого сравнения не будут полностью репрезентативными. Прежде всего потому, что обзор всемирной истории по своей востребованности у читателей никак не мог соревноваться с учебником арифметики и тем более с букварем. К тому же оба московских издания имели лучшие шансы на долгую жизнь, поскольку значительно превосходили «Введение» и по объему, и по полиграфическому исполнению.

Размышляя о степени популярности и востребованности «Введения» нужно еще учитывать, что вплоть до второй половины XVIII столетия в России была, например, широко распространена практика переписывания печатных книг. То есть учебник Копиевского мог быть неплохо известен русским читателям не только в печатном виде, но и в рукописных копиях. Так, одна из них, переработанная и дополненная неизвестным переписчиком середины XVIII в., была, например, обнаружена в собрании рукописей А.А. Титова⁹¹. Предположение о хождении в России начала — середины XVIII века какого-

---

⁹¹ *Титов А.А.* Охранный каталог славяно-русских рукописей А.А. Титова. Вып. 3. Москва: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1888. С. 13; *Розов Н.Н.* Светская рукописная книга XVIII—XIX вв. в собрании А.А. Титова // Сборник ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. 2. Л.: ГПБ, 1954. С. 129—130. Исследователям известны рукописные копии и других изданий Копиевского. В частности, Даниэль Уо обнаружил «Арифметику» и «Славу торжеств», «списанную» дьячком Богоявленского собора в Хлынове Семеном Поповым. — Уо Д.К. История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. СПб., 2003. С. 101, 102, 270, 271. (Имеются в виду: *Копиевский И.Ф.* Краткое и полезное руковедение во арифметику. Амстердам: Тип. Ивана Андреева Тессинга, 15 апреля 1699; *Копиевский И.Ф.* Слава торжеств и знамен побед / *Gloria triumphorum & trophaeogum.* Амстердам: Тип. И.Ф. Копиевского, 12 октября 1700). Существуют и другие документальные свидетельства практики переписывания книг Копиевского. В частности, две рукописи, хранящиеся сегодня в РГБ. Одна, из собрания Синодальной библиотеки, помимо «Арифметики» включает выписки и из других его изданий. — Отдел рукописей РГБ. Ф. 272. № 208: Сборник астрологических и календарно-астрономических статей. Вторая, из частного собрания И.К. Андреева, содержит копию большей части переведенного и изданного Копиевским трактата о военном искусстве византийского императора Льва VI. — Отдел рукописей РГБ. Ф. 726. № 20: Сборник руководств по математике. (Имеется в виду: Лев VI Мудрый или Философ. Краткое собрание показывающее дел воинских обучение. Амстердам: Тип. Ивана Андреева Тессинга, 1 января 1700).

то числа рукописных экземпляров «Введения» подкрепляет и необычайная популярность исторических книг у российских читателей. Самый показательный пример здесь – «Синописис» Иннокентия Гизеля. Несмотря на то что на протяжении XVIII столетия только в Москве он издавался несколько раз, до нас дошли сотни его рукописных копий⁹².

Подытожим теперь сказанное раньше. Во-первых, не вызывает сомнений, что до более-менее значительной части «славянороссийского народа» учебник Копиевского дошел – вопреки прежним заключениям исследователей⁹³. Во-вторых, что его читали не только в обеих столицах, но и в глухой провинции. В-третьих, что среди его читателей были люди разных сословий и социальных групп – начиная с пустозерского копииста, тверского «ларешного», Санкт-петербургского подьячего, провинциальной дворянки и заканчивая царем, его ближайшим окружением и высшим духовенством. В-четвертых, что путь книги к ее читателям был на удивление долгим. Авдотья Ивановна, как мы видели, получила ее от неизвестного владельца «библиотеки» только через сорок с лишним лет после выхода из типографии, а священник Покшенского прихода Николай Кудрявин восхищался ее «мудростью» еще через сто с лишним лет после этого. Наконец, что благодаря «Введению краткому» в 1740-е годы всемирная история уже входила в репертуар чтения русских женщин. Или, скорее всего, только начинала входить.

---

⁹² О переписке печатных исторических книг, в особенности «Синописиса», см.: Самарин А. Ю. Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVI – XVIII в.). М., 1998. С. 126–153.

⁹³ 400 лет русского книгопечатания. 1564–1964. Русское книгопечатание до 1917 года. М., 1964. С. 134–135; Быкова Т. А. Описание изданий, напечатанных кириллицей. С. 340.

Препринт WP19/2022/01
Серия WP19
Исторические исследования

Зарецкий Юрий Петрович

**«Всякая история» Ильи Копиевского
и ее российские читатели**

Публикуется в авторской редакции

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 40 экз. Уч.-изд. л. 2,5.
Усл. печ. л. 2,6. Заказ № . Изд. № 2589

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Измайловское шоссе, 44, стр. 2
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

